

Отзыв
официального оппонента о диссертации Т.И. Красновой
«Феномен оппозитивности газетного дискурса русского зарубежья 1917 –
1920(22) гг.», представленной на соискание ученой
степени доктора филологических наук по специальности
10.02.01 – русский язык

Докторская диссертация Татьяны Ивановны Красновой является, без сомнения, **важным, оригинальным и новаторским исследованием** в области политической и когнитивной лингвистики, в истории русской журналистики XX века, в истории изучения языковых процессов русской эмигрантской диаспоры.

Сама тема диссертационного сочинения Т.И. Красновой представляется чрезвычайно **актуальной**, ибо современная жизнь и культура все более и более обращают нас к разнообразным формам оппозиционного мышления, и в этом смысле «феномен оппозитивности» настоятельно требует многопланового научного осмысления. С другой стороны, взятый материал (русские зарубежные газеты пореволюционного периода, реализующие особую форму текстового существования эмигрантского языка за пределами России) последовательно и систематически никем и никогда не изучался, поэтому **представленная диссертационная работа**, в рамках которой осуществляется анализ свыше полутора тысяч газетных текстов, **заполняет лакуну в отечественной филологии**. Те исследования эмигрантской прессы, которые на сегодняшний день существуют, если и включают в поле своего внимания газеты 1917 – 1920 гг., делают это мельком, не сосредотачиваясь на них, не мысля их в качестве особого смыслопорождающего феномена.

Исследование Т.И. Красновой тем более актуально, что относится к развивающейся сфере политологической филологии и ставит своей целью «представить интерпретацию убеждений идеологических субъектов в рамках газетного дискурса» (с. 11).

Два больших раздела диссертации с их разветвленной системой глав и параграфов (подразделов) последовательно реализуют этот замысел. Первый раздел («Теоретические основы изучения дискурса о России в газетах русского

зарубежья») посвящен рассмотрению теоретических проблем, связанных с изучением оппозитивного дискурса в целом и оппозитивного дискурса в газетах русского зарубежья, в частности.

В первой главе («Дискурсно-когнитивный анализ и понятие оппозитивного дискурса эпохи кризиса») подробно оговаривается роль дискурсного анализа при изучении современных проблем коммуникации, вводятся такие наиважнейшие для дальнейшего исследования понятия, как «идеология», «идеологический субъект», «позиция субъекта» (подразд. 1.1). Оппозитивный дискурс русских эмигрантских газет рассматривается с точки зрения когнитивно-семантического анализа, позволяющего построить полевую модель вышеобозначенного газетного дискурса (подразд. 1.2), основой которой является конфликт, или конфронтация с *Другим* (подразд. 1.3). Отдельно (подразд. 1.3.2) говорится о способах речевого воплощения (подразд. 1.3.1) концептуальных идеологических оппозиций: общечеловеческих, политико-идеологических, эпистемических/философских, прагматико-поведенческих.

Глава вторая («Проявление ментально-речевого механизма оппозитивности в газетном дискурсе русского зарубежья») более конкретная, более привязана к материалу, в ней речь идет о непосредственных ментально-речевых механизмах оппозитивности в газетах русской эмиграции, которые обретают особую убедительность в реализации таких концептов, как «борьба», «Россия», «большевизм» (подразд. 2.1.2), в использовании идеологем «старое/новое», «темное/светлое» (подразд. 2.2.2). Особое внимание уделяется анализу новостных текстов в политизированных газетных изданиях, делается попытка реконструкции когнитивной модели новостей, анализируются два способа, или два модуса подачи известий: объективированный и субъективированный (подразд. 2.2.1).

В целом, в первой части диссертации разворачивается масштабный теоретический базис исследования, однако центр тяжести работы Т.И. Красновой, на наш взгляд, сосредоточен не здесь. Наибольший интерес и **уникальную научную ценность** представляет собой второй раздел диссертации – «Оппозитивная формация и специфика дискурса о России в

прессе разных стран русского зарубежья 1917 – 1920(22) гг.», где, по сути дела, и осуществляется анализ и систематизация громадного корпуса текстов русских эмигрантских газет Харбина, Нью-Йорка, Чикаго, Парижа, Берлина, Праги, Варшавы, Бессарабии, Стокгольма.

Основой систематизации столь обширного и разнородного газетного материала стало отношение к русскому большевизму, поэтому две главы второй части диссертационного сочинения неравномерно (третья глава намного объемнее четвертой), но вполне логично делят между собой этот материал по форме и степени оппозитивности: в третьей главе речь идет о «газетном дискурсе с открыто выраженной оппозитивностью», в четвертой – «с имплицитно выраженной». Разумеется, «эмигрантская журналистика эпохи российского кризиса» (с. 239) чаще всего стремилась и к политическому самоопределению, и к политическому самовыражению. Этим объясняется большой, но все равно тесный ряд газетных изданий, представленных в третьей главе (газеты Маньчжурии (3.1), Америки (3.2), Европы (3.3)), а с другой стороны, – пристальное внимание к русской торгово-промышленной газете в Швеции «Скандинавский листок», являющей фактом своего существования эксклюзивный пример издания деполитизированного.

Большим достоинством второго раздела диссертации является то, что, поднимая столь обширный материал, автор находит устойчивый и вполне определенный алгоритм для его изучения: каждый подраздел, посвященный русским газетам Маньчжурии, Америки и Европы, содержит необходимую справку об истории русской эмиграции в данной стране или регионе, о взаимоотношениях страны пребывания русских эмигрантов и России, об истории русской печати в названном регионе, и лишь потом следует подробнейший анализ самого издания или изданий – перечисляются рубрики, сообщается об общей направленности газеты, а также о тех телеграфных агентствах, которые данному изданию поставляли информацию, выделяется и научно исследуется реализованный в газетных текстах оппозитивный дискурс.

В результате этого анализа, дополненного и в какой-то мере подкрепленного фактами исторического и социокультурного характера,

открывается возможность не только составить полноценное представление о конкретных эмигрантских изданиях, но и взглянуть на них сверху, с позиции лингвистического, а затем и политического, и философского обобщения. Полученные результаты и выводы, в свою очередь, значительно обогащают наше представление о реальной картине мира 1917 – 1920 (22) годов, о расстановке политических приоритетов и формирующихся в пределах русскоязычного мира идейных центрах.

Например, весьма доказательно сопргается геополитическое своеобразие Харбина (русского города китайской провинции, периферийно расположенного относительно важнейших очагов политической, военной, идейной борьбы) с типом умеренного антибольшевистского дискурса, характерного для харбинских русско-эмигрантских газет. Очень интересны наблюдения и выводы о представленном в русских газетах Америки пробольшевистском и антибольшевистском дискурсах, об использовании пробольшевистской риторики в газетах «Новый мир» и «Голос труженика», где она, эта «призывно-деловая», «переходящая в агрессию по отношению к противнику» риторика, была приспособлена к проблемам, так сказать, местного масштаба – «к проблемам борьбы за права русскоязычных рабочих в Америке» (с. 297). Нельзя не отметить и внимания к таким, казалось бы, непопулярным, невидным изданиям, как «Варшавская речь», «Вестник Северо-Западной армии». Очень хорошо, что этот весьма своеобразный пласт приграничной русской периодики не остался в тени. Ценными представляются выводы, сделанные в последнем разделе третьей главы диссертации (подразд. 3.3), о размежевании русских заграничных газет. На основе многих наблюдений диссертант убедительно показывает постепенное изменение оппозитивности в русских эмигрантских газетах периода «закрепления советской власти» (1920-22 гг.); анализируя статью Н. Устрялова в харбинской газете «Новости жизни», прослеживает истоки сменовеховства; делает выводы о том, как и чем отличались русские газеты Европы, Америки и Китая. Особый интерес представляет анализ модализации антибольшевистских газет, позволяющий прийти к заключению о том, что «идеологический субъект антибольшевистской газеты ощущает себя

субъектом состояния, в то время как его противник (большевик, пробольшевик) и в тексте, и в действительности выступает в качестве субъекта действия» (с. 364-365). Это заключение дает прямой выход к психологии языка и психологии творчества. Цельным, самостоятельным и очень интересным исследованием представляется четвертая глава работы, посвященная торгово-промышленной русской газете «Скандинавский листок», выходившей в Стокгольме. Все это – неоспоримо сильные качества диссертации Т.И. Красновой, но, конечно, как в любой серьезной большой работе, есть в ней и спорные моменты, на которые тоже хотелось бы указать.

Прежде всего, останавливает внимание и заставляет напряженно думать в плане полемическом определение газетного дискурса 1917 -1920 (22)гг. как однозначно относящегося к феномену русского зарубежья. На протяжении всей работы это определение сохраняется, хотя в разных ее частях автор и пытается внести дополнительный комментарий. Во введении, например, есть ссылка на монографию М. Раева, где начало русской эмигрантской культуры соотносится с 1919 годом, в связи с этим автор работы поясняет, что в его исследовании в центре внимания находится предшествующий культурно-исторический этап. В самом начале второго раздела мельком дается точная характеристика той ментальности, в которую содержательно и хронологически вписывается исследуемый материал: «...это было время «энтропии» – информационной неопределенности», и далее: «С появлением политической определенности начался период массового «русского исхода», который изменил аудиторию и восприятие местной властью газет русского зарубежья» (с. 240). Думается, эти слова должны были стоять а начале работы, ибо ее автора, по сути дела, интересует как раз тот слой русской эмигрантской культуры, который воспринимается, скорее, как пограничный, промежуточный, но не соотносится целиком с феноменом русского зарубежья. И те русские газеты, о которых идет речь в диссертации, принадлежат не столько русскому зарубежью, сколько этому промежуточному, во всех смыслах неустойчивому времени, когда о многих из приведенных изданий затруднительно было сказать – чьи они.

С размытым представлением о границах русского зарубежья связано, на наш взгляд, и несколько локализованное понимание самого явления «оппозитивности». Говоря о русских газетах за границей, Т.И. Краснова подразумевает под «оппозитивностью» некую специфическую эмигрантскую уникальность этих изданий. На самом же деле это не совсем так. Во время Гражданской войны и всеобщей «энтропии» «оппозитивности» (в том смысле, который выявляется в диссертации, т.е. – выраженное отношение к большевикам) было ничуть не меньше и в тех изданиях, что выходили на территории России. Можно вспомнить горьковскую газету «Новая жизнь», деникинскую газету «Южное слово», целый ряд альманахов – «Записки мечтателей», «Из глубины», «Дом искусств», «Начала», «Шиповник»). Быть может, в российских печатных изданиях оппозитивность была даже ярче и выразительнее представлена.

Еще одно полемическое замечание касается архитектоники работы. Внешне она имеет четкую и даже симметричную структуру, но содержательно этой стройности нет, и нет ее потому, что с самого начала не совсем понятно – что в ней превагирует: служат ли русские заграничные газеты с их текстами примером для теоретического лингвистического исследования (первый раздел диссертации), или же лингвистический анализ является инструментом для выявления идейной, политической, стилевой и стилистической специфики этих газет (второй раздел работы). По крайней мере, касающаяся русской эмигрантской печати и отдельных изданий историческая и библиографическая справочная информация, которая открывает второй раздел, конечно, должна была как-то отразиться во введении, как, впрочем, и все главные установки второго раздела.

Вызывает вопросы и круг исследуемых изданий. Конечно, он очень большой, однако в спектр внимания диссертанта почему-то не попали такие известные газеты, как «Последние новости», издававшиеся в Париже с 1920 г., «Руль» и «Накануне», выходившие в Берлине с самого начала 1920-х годов, харбинская газета «Заря», выходившая в период 1920 – 1924 гг. Что касается изданий, представленных и проанализированных в диссертации, они, к

сожалению, отражены только теми единицами, которые хранятся в библиотеках Санкт-Петербурга (РНБ и БАН). Вполне вероятно, что количество номеров раритетных эмигрантских газет можно было пополнить при знакомстве с фондами Москвы и Хабаровска.

Есть небольшие дополнения и к списку указанной литературы. Среди источников, касающихся исследования русской эмигрантской печати, нет монографии Ю.А. Азарова «Диалог поверх барьеров. Литературная жизнь русского зарубежья: центры эмиграции, периодические издания, взаимосвязи (1918-1940)» - М., 2005; небольшого, но все-таки важного в этом случае пособия П.Н. Базанова и И.А. Шомраковой «Книга русского зарубежья: из истории книжной культуры XX века» - СПб., 2003; монографии Бронислава Кодзиса «Литературные центры русского зарубежья 1918 – 1939. Писатели. Творческие объединения. Периодика. Книгопечатание» - Мюнхен, 2002. Можно было бы указать в библиографическом списке и неоднократно сослаться в тексте работы на трехтомник Р. Гуля «Я унес Россию», где коротко, но интересно и неформально говорится о многих ранних эмигрантских газетах и журналах, по-человечески представлены портреты тех людей, которые их издавали и редактировали, в том числе – В.Л. Бурцева, редактора газеты «Общее дело».

Однако высказанные замечания носят, прежде всего, полемический характер и не отменяют главной заслуги представленной работы – поднятого из глубины времен и почти забытого корпуса газетных текстов, превращенных в объект научного внимания и исследования. **Автору удалось охватить огромный материал, выстроить научную и вполне оригинальную концепцию оппозитивности, что говорит о высокой теоретико-методологической значимости представленного труда.**

Практическая значимость работы очевидна – ее результаты важны не только для разных сфер филологического знания, но и для изучения истории России XX столетия, для изучения истории русской журналистики. Думается, работа Т.И. Красновой также займет свое место и в изучении русской зарубежной культуры. Многие наблюдения и основные выводы диссертации

могут быть использованы другими исследователями для их концептуальных построений, могут найти претворение в учебных пособиях, применяться в образовательных целях как высшей, так и средней школы.

Автореферат и 40 научных публикаций Т.И. Красновой, включающие 15 статей в изданиях, рекомендованных ВАК, соответствуют содержанию диссертации и полностью отражают ее основные концептуальные положения.

Представленная диссертация в полной мере отвечает требованиям ВАК Министерства образования и науки РФ, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, в том числе п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением правительства РФ от 24 сентября 2013 г., а ее автор, Татьяна Ивановна Краснова, заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – *русский язык*.

10.03.2015 г.

Доктор филологических наук (10.01.01 - русская литература),

доцент кафедры русской литературы XX и XXI веков

Уральского федерального университета

имени Первого президента России

Б.Н. Ельцина

620002, Екатеринбург,

Мира, 19.

Тел: (8343) 350-75-94

e-mail: julia-matveeva@yandex.ru

Юлия Владимировна Матвеева

Подпись: *Ю.В. Матвеева*
Заверяю: вед. документовед ОДОУ
СВ ОДУ